

Стратегии формирования профессиональной репутации русских эмигрантов и писателей-самоучек

Юлия Владимовна КАМИНСКАЯ, Оксана Алексеевна ТОЛСТОНОЖЕНКО

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»
660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-т Свободный, 79
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7683-0543>, e-mail: yuliaglazkova96@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-4638>, e-mail: t_oksa@mail.ru

Strategies for building a professional reputation of Russian emigres and self-educated writers

Yuliya V. KAMINSKAYA, Oxana A. TOLSTONozHENKO

Siberian Federal University
79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk 660041, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7683-0543>, e-mail: yuliaglazkova96@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-4638>, e-mail: t_oksa@mail.ru

Аннотация. Проанализированы способы конструирования писательской репутации в исключительных культурных условиях, связанных с вытеснением целых поколений авторов на периферию литературного процесса и отсутствием у них «права на творчество». Сопоставляется опыт двух условно выделяемых обширных и разнородных групп – писателей из народа, пытавшихся заявлять о себе в начале XX века как о самостоятельном течении, и представителей русской литературной эмиграции. Помимо ряда общих черт (попадание в слепую зону общепризнанной художественной словесности, внутренняя замкнутость, ведущая к тому, что основная масса читателей принадлежит к той же среде, что и писатель, отсутствие экономической выгоды от публикации произведений), писатели-самоучки и эмигранты прибегали к схожим стратегиям формирования репутации. Было выявлено, что представители обеих групп формулировали объединяющую их благородную миссию, направленную на служение национальной литературе, обращались к опыту и поэтике писателей-предшественников для конструирования собственной литературной традиции, легитимирующей их особенный творческий путь, пытались структурировать своё суб-поле посредством создания объединений и кружков, а также критической рефлексии текущего литературного процесса.

Ключевые слова: традиция; идентичность; литературная иерархия; периферия; метрополия

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-312-00115.

Для цитирования: Каминская Ю.В., Толстоноженко О.А. Стратегии формирования профессиональной репутации русских эмигрантов и писателей-самоучек // Нефилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 512-520. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-512-520

Abstract. We analyze the ways of constructing a writer's reputation in exceptional cultural conditions related to displacement of entire generations of authors to the literary process periphery and their lack of a “right to creative work”. We compare the experience of two conditionally distinguished large and heterogeneous groups – writers from the people who tried to declare themselves at the beginning of the 20th century as an independent current, and representatives of the Russian literary emigration. In addition to a number of common features (falling into the “blind zone” of generally recognized literature, internal isolation, leading to the fact that the majority of readers belong to the same environment as writer, the lack of economic benefits from publishing works), self-educated writers and emigres resorted to similar strategies for building a reputation. We find

that representatives of both groups formulated a noble mission uniting them, aimed at serving national literature, turned to the experience and poetics of predecessor writers to construct their own literary tradition, legitimizing their special creative path, and tried to structure their sub-field by creating associations and circles, as well as critical reflection of the current literary process.

Keywords: tradition; identity; literary hierarchy; periphery; metropolis

Acknowledgements: The work is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of scientific project no. 18-312-00115.

For citation: Kaminskaya Y.V., Tolstonozhenko O.A. Strategii formirovaniya professional'noy reputatsii russkikh emigrantov i pisateley-samouchek [Strategies for building a professional reputation of Russian emigres and self-educated writers]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 512-520. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-512-520 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Писатели из народа начала XX века и литераторы-эмигранты первой волны, будучи эстетически неоднородными обширными группами (так будем их условно называть), имея принципиально разные условия вхождения в литературную среду и несопоставимый культурный бэкграунд, обладали рядом общих типологических черт и подчас прибегали к схожим стратегиям конструирования профессиональной репутации. К этому их вынуждало периферийное положение по отношению к художественной словесности, которая в текущий момент в рамках властного дискурса признавалась главенствующей.

В 1900-х гг. авторы-самоучки, пытавшиеся заявить о себе как о новой литературной генерации, находились не только за пределами модернистского движения, но и в слепой зоне основной массы реалистов. Эмигранты в пореволюционный период были искусственно вынесены – не только ценностно, но и физически – за пределы поля утверждаемой пролетарской литературы; вместе с желанием представлять истинную русскую культуру они артикулировали и свою оторванность от основной массы читателей, «вытесненность» за границы настоящего литературного процесса. В конце 1920-х гг. в их среде остро ставился вопрос о том, где именно находится центр русской литературы, и некоторые эмигранты (Адамович, Степун) приходили к неутешительному выводу, что это Москва [1, с. 348]. Несмотря на то, что хронологически эти группы размещены на разных отрезках литературного процесса, их сближают условия «литературного быта» – невозможность физически присутствовать в центре литературной жизни, посещать собрания объединений и кружков, оперативно и

непосредственно участвовать в работе периодики.

Так можно охарактеризовать расстановку сил в самом общем виде, ведь указанные группы не всегда существовали как полностью герметичные. На волне интереса к народной культуре в начале века самоучки попадали в поле зрения представителей элиты как предполагаемые носители «истинной русскости» [2]. Некоторым писателям (например, Н. Клюеву, А. Чапыгину) и вовсе удалось преодолеть заданную их идентичностью роль и переместиться на другие уровни иерархии.

1920-е гг. характеризуются относительно свободными отношениями между советской и эмигрантской культурой: «Ещё в апреле 1921-го по распоряжению ВЦИК 20 экземпляров всех ведущих эмигрантских газет должны были поступать по подписке в высшие инстанции страны; приблизительно 160–200 экземпляров журнала «Воля России» (который симпатизировал новой власти) закупали советские учреждения. Контроль над импортом эмигрантской литературы до 1923 года практически отсутствовал» [1, с. 336]. Но уже к концу 1920-х гг. публичное обращение к литературе русской диаспоры практически перестаёт осуществляться.

С точки зрения контакта с читателем каждая из групп также оказывается в некотором смысле замкнутой на своём «слое». В силу ряда обстоятельств (начиная от тематики сочинений и заканчивая особенностями каналов распространения литературной продукции) произведения самоучек в основном были адресованы низовым читателям – крестьянам и городским рабочим, в среде которых к концу XIX – началу XX века грамотность распространилась достаточно широко,

чтобы сформировалась потребность в адресованной непосредственно им литературе [3].

Поскольку в 1930-е маргинальность статуса эмигрантской литературы подчёркивалась намеренным игнорированием существования оппозиционно настроенных писателей со стороны советской критики, творчество представителей русского зарубежья находилось в «слепой зоне» читателей, проживавших в СССР, и, следовательно, основными потребителями литературной продукции эмигрантов оставались они сами.

Примечательно также, что в контексте утвердившейся профессиональной литературы, предполагающей систему гонораров, издательская деятельность представителей обеих групп была экономически невыгодной, даже убыточной, но при этом самоценной и имела на первом месте символическое значение.

Всё это приводит такие разные группы с крайне неоднородным составом на путь изобретения особой идентичности, которая, с одной стороны, прочерчивала бы границу между ними и «литературой вообще», с другой – легитимировала бы их особое место в системе и право на словесное творчество.

С этой точки зрения можно назвать ряд общих типологических слагаемых профессиональной репутации. Во-первых, в обеих группах существовало представление о наличии некоторой миссии перед литературой и обществом.

Своё предназначение писатели-самоучки видели в осваивании ранее недоступного для них поля словесности и посредничестве между низшими слоями общества и миром высокой культуры. Авторы из народа теперь массово обретали собственный голос, однако всё ещё не могли рассчитывать на равноправное участие в культурной жизни. Им приходилось отстаивать право на творчество и, следовательно, на коммуникацию с остальным миром (совсем иной будет позиция пролетарской литературы уже в 1920–30-е гг., см.: [4]). По сути, для них именно факт публикации являлся основанием называть себя писателем. Ориентируясь главным образом на «малоразвитого читателя», автодидакты преследовали просветительскую цель: «[д]ля него наши слова новы, являются первой ступенью, с которой он шагнёт к тому, что было сказано раньше и лучше нашего» [5, с. 13].

Несмотря на то, что за границей находились и те, кто восхищался нэпом, мечтал вернуться обратно для участия в строительстве социализма [6], часть эмигрантов в 1920-х гг. пребывала в уверенности, что в скором времени новая власть прекратит своё существование, и тогда русская диаспора должна будет возродить дореволюционную культуру в России. Такие эмигранты видели в своём положении миссию спасения этического эстетической системы ценностей, существовавшей до 1917 г. Так, в программной статье И.А. Бунина 1924 г. прямо говорится о том, что «миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия» [7, с. 6]. Также автор статьи в конце уверяет, что «Ангел отвалит камень от гроба Христовой России», то есть что советская власть прекратит своё существование, и тогда «миссионеры» смогут вернуться на родину для её возрождения.

Во-вторых, обе группы создавали свою собственную литературную иерархию, альтернативную «официальной», и тем самым конструировали преемственность, вписывали себя в некую традицию. Самоучки обращались в целом к тому же набору классиков, писателей XIX века, что и представители других литературных групп того времени, но с иными акцентами. В их творчестве можно встретить эпигонские жесты, направленные на А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и других авторов, однако на вершину иерархии они помещали Н.А. Некрасова (подробнее см.: [8, с. 211–218]), который одновременно был и включён в контекст «настоящей», «дворянской» литературы, и активно разрабатывал крестьянскую тему, что позволило самоучкам, выходцам из низших слоев общества, выстроить собственную линию преемственности и в результате легитимировать как своё активное присутствие в культурном поле, так и развитие «народной» литературной традиции.

Эмигранты, в силу эстетической разнородности внутри данной группы, имели более обширный круг «предшественников» – фигур и течений, ориентация на которые

становилась знаковым аспектом культурной и профессиональной самоидентификации. И.А. Бунин, представитель «старшего» эмигрантского поколения, как известно, в процессе создания персонально писательского мифа в качестве важного элемента своей творческой генеалогии отмечал родственные связи с В.А. Жуковским и А.П. Буниной, что как бы укореняло его фигуру в дворянской литературной традиции и давало право на титул «последнего классика».

Общество младоэмигрантов находилось в поиске подобных сценариев конструирования репутаций, и часть из них последовала за Буниным. Так, в 1928 г. сформировалось объединение «Перекрёсток», тут же выпустившее в свет свой первый сборник произведений [9, с. 182]. Участники группы (Ю. Мандельштам, Г. Раевский, Ю. Терапиано, К. Халафов и др.) ориентировались на особенности поэтики дореволюционной русской литературы. В.Ф. Ходасевич в своей критической статье поддержал молодых поэтов («...молодёжь, связанная с исконной русской литературной традицией, в данную минуту представляет собой авангард, а не арьергард поэзии» [10, с. 3]) и сформулировал возможный путь их дальнейшего профессионального развития: «...чтобы поднять русскую поэтическую традицию, <...> должно её наполнить новым содержанием и оживить новым творческим усилием. Будущая русская поэзия останется русской, но ей суждено столь же отличаться от прежней, как сама послебольшевистская Россия будет отличаться от России минувшей» [10, с. 4]. Так, часть «молодого» поколения избрала сценарий наследования и дальнейшего развития традиций русской классики, то есть их литературная репутация выстраивалась за счёт выполнения заявленной «старшим» поколением миссии русской эмиграции.

Молодые поэты и писатели, относившие себя к «Парижской ноте», утверждали право на автономное существование, отталкиваясь от взглядов «старшего» поколения. Несмотря на казавшийся непреложным авторитет А.С. Пушкина, младоэмигранты ставили в центр своего литературного канона фигуру М.Ю. Лермонтова, тем самым заявляя о собственном оригинальном пути развития: «Лермонтов, невоспетый герой поэтов па-

рижской ноты, был выбран на эту роль частично из желания как-то противостоять религиозному и моралистическому направлению, сформированному старшим поколением литераторов-эмигрантов» [1, с. 358]. Так, в первом номере журнала «Новый корабль» в послании от редакции читаем: «Хотя мы и не включаем себя и не включаемся ни в какие “установленные” рубрики литературы <...>, не включаемся также ни в какие определенные группы эмиграции, – мы имеем свою родословную в истории русского духа и мысли. Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Вл. Соловьев – вот имена в прошлом, с которыми, для нас, связывается будущее» [11, с. 4]. Фамилия Пушкина здесь опущена неслучайно.

Ещё более мощным источником самоидентификации представителей «Парижской ноты» стали поэтические и поведенческие практики Серебряного века [12]. Как отмечали критики, «...на долгие годы вся женская поэзия была отравлена влиянием Ахматовой, её колея оказалась настолько глубокой, что никому – подчас очень одарённым поэтам, не удавалось остаться самой собою» [13, с. 162]. Одной из её последовательниц стала Л. Червинская [14, с. 27], которая не только переняла художественные особенности Ахматовой, но и выстроила собственный жизнетворческий проект, придерживаясь сценария, выстроенного поэтессой в дореволюционный период: страдающая, нелюбящая/нелюбимая, находящаяся в вечном поиске «монашенка-блудница» [15, с. 200] – именно такой творческий облик, рассматриваемый через призму её первых двух сборников «Вечер» и «Чётки», закрепился за Ахматовой в начале карьеры. Такие же амбивалентные черты были свойственны образу Червинской, формировавшемуся в критике и мемуарах. Так, по словам Н.Г. Мельникова, она «славилась довольно беспорядочным образом жизни» [16, с. 644]. В.С. Яновский описывал поведение поэтессы следующим образом: «Не работала, голодала, и от скромной рюмки водки её выворачивало наизнанку – буквально и фигурально» [17, с. 290]; «Помню, как, зайдя в “Дом” по личным делам, я вдруг наткнулся на сцену, которую нетрудно было сразу оценить по достоинству: гряда посуды на полу, гарсоны в угрожающих позах, а вы-

сокая, сутулая Червинская, похожая на Грету Гарбо, стоит у пустого столика, точно дожидаясь приговора» [17, с. 219]. В то же время у И.В. Одоевцевой сохранились иные воспоминания: «Мы, как всегда, уселись в круг, чтобы читать стихи. Я ясно помню, как Поплавский написал записку, и её стали передавать, пока она не дошла до Лидии Червинской, которой была адресована. Она прочла, подняла руку, сделала ею отрицательный жест и громко сказала: – Во вторник я занята. Это было приглашение на тот роковой “наркотический пир”, стоивший жизни Поплавскому» [18, с. 162]. Таким образом, благоразумный отказ от опасного «пира» уравнивает двойственное амплу «монашеник-блудницы».

Однако не все эмигранты находили ориентиры в дореволюционной литературе. «Кочевье» было единственным объединением, отрицавшим возможность развития русской литературы в эмиграции и отдававшим предпочтение таким советским писателям, как Б. Пильняк, И. Бабель и т. д.

В-третьих, обе группы прибегали к структурированию собственного суб-поля: нередко они не только создавали объединения и кружки, под эгидой которых выпускались литературные сборники и журналы, но и прочерчивали границы между «своими» и «чужими» внутри этих формальных образований. Если конструирование преемственности имело в своей основе обращение к прошлому, традиции, то артикулирование различий внутри своей группы было связано с рефлексией текущего литературного процесса.

М. Шруба зафиксировал сведения о двенадцати объединениях писателей из народа, имевших место в 1890–1917 гг. – тринадцать в Москве («Группа молодых», «Десять», «Дружба», Субботы Златовратского, «Молот», Московский товарищеский кружок писателей из народа, Народный кружок, «Обновленный народ», «Огни», «Родник», Суриковский литературно-музыкальный кружок (СЛМК), «Товарищеская библиотека», литературный кружок шанявцев) и шесть в Петербурге (Кружок рабочих беллетристов, Кружок Маширова–Самобытника, «Искусство и социализм», Общество пролетарских искусств, Кружок поэтов-правдис-тов, Литературный кружок черняевцев) [19]. Стоит

отметить, впрочем, что все они существовали не одновременно (например, Московский кружок писателей из народа в 1905 г. распался на Народный кружок, который просуществовал лишь до начала 1906 г., и СЛМК, который, в свою очередь, был реорганизован в 1921 г., в результате чего был создан Всероссийский союз крестьянских писателей), некоторые кружки выделяются условно – на основании издания сборников («Дружба», «Родник» и др.). Кроме того, одни и те же писатели зачастую были участниками сразу нескольких объединений. С другой стороны, за пределами двух столиц в начале XX века литературные кружки также существовали; этому способствовало влияние СЛМК: к концу 1914 г. в его составе насчитывалось 46 москвичей и 29 провинциалов [19, с. 238], которые пытались развивать поле словесности в своих городах. В частности, суриковец И.А. Назаров создал в Суздале и Владимире своё объединение, от имени которого издавались литературные сборники.

В среде самоучек в начале XX века внутренние границы проводились между «настоящими» писателями, для которых литература была в первую очередь призванием и которые бессознательно или осознанно присоединялись к миссии автодидактов, и графоманами, а также представителями массовой литературы, основным стимулом которых были слава и коммерческий успех. В этом плане показателен ироничный рассказ Ю. Шара (псевдоним Ефима Ефимовича Шарова) «Литератор», главный герой которого, начинающий писатель Константин Рассказов, мнит себя невероятно талантливым автором и жаждет мгновенного успеха. Подыскивая журнал для опубликования своего первого произведения, эпигонского «чеховского рассказа», он руководствуется следующими соображениями: «Этот журнал наиболее подходящий – литературный с лучшими силами: здесь скоро можно выдвинуться, приобрести литературное имя, громадный гонорар и почёт» [20, с. 37]. Так в произведении автора-самоучки нашла себе место тема приемлемых и неприемлемых стратегий профессионального самоутверждения в его среде: графоманское поведение получило крайне негативную оценку.

В среде эмигрантов внутреннее разделение основывалось на разных критериях. В качестве одного из них можно назвать «поколенческий» принцип: к «старшим» эмигрантам относят тех, кто снискал литературную славу ещё на родине, в то время как младоэмигранты – это авторы, в основном начавшие свой творческий путь уже за границей, что в значительной степени повлияло на их тактики самопрезентации, а подавляющее большинство составило так называемое «незамеченное поколение» (возрастной критерий при этом не был определяющим, поскольку некоторые младоэмигранты были ровесниками своих «старших» товарищей по перу) [21].

Другим поводом для проведения внутренних границ являлось отношение к литературному процессу метрополии и связанному с этим способу реализации центральной миссии эмигрантов – возрождению и развитию дореволюционной литературной традиции. Здесь в оппозиции к большинству оказывалось уже упомянутое объединение «Кочевье», избравшее своим ориентиром советскую словесность. В свою очередь, А.Л. Бем в своих статьях заявлял, что «одно положение, кажется мне, должно быть твердо усвоено: советская литература должна быть нами воспринимаема, как литература русская, как органически связанная со всем нашим литературным прошлым» [22, с. 279]. Критик считал важным подчеркнуть, что эмигрантская литература не должна отмежевываться от советской, а наоборот, ей стоит принять её и продолжить совместное развитие. «Её [русской литературы. – Ю. К., О. Т.]

возрождение придёт с воссоединением двух её разъединённых сейчас частей – литературы эмигрантской и литературы советской. На той и другой лежит огромный долг – сохранить жизненную правду и художественную силу русской классической литературы» [22, с. 394].

В оппозиции такому мнению выступал В.Ф. Ходасевич. В 1920-е гг. в своих статьях он выражал поддержку новым поэтам, которые, по его мнению, были способны возродить русскую литературу: «Я вижу признаки того, что “кучка” образуется, слышу упреки в кружковщине и радуюсь: значит, здесь есть жизнь» [23, с. 28]. Несмотря на то, что в 1930-е гг. атмосфера в эмигрантской культурной среде становилась всё более напряжённой, и В.Ф. Ходасевич выдвигал предположение, что эмигрантскую литературу ожидает скорая гибель, критик всё же не мог согласиться с тезисом, что советская литература станет союзником русской диаспоры или самостоятельно возродит русскую культуру [24, с. 425].

Таким образом, конструирование профессиональной репутации писателей-самоучек и русских эмигрантов первой волны, несмотря на принципиальные различия в культурном контексте, основывалось на ряде общих стратегий. Вынесенность за пределы основного литературного процесса вынуждала представителей обеих групп артикулировать некую объединяющую миссию, выстраивать собственную традицию, альтернативную общепризнанной, и проводить самоструктурирование, обнажающее различия внутри самих групп.

Список литературы

1. Тиханов Г. Русская эмигрантская литературная критика и теория между двумя мировыми войнами // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 335-367.
2. Шевеленко И. Модернизм как архаизм. Национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.
3. Агафонова Я. Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 2. С. 77-93.
4. Калинин И. Угнетённые должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е – начало 1930-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 587-663.
5. Космач Т. Нашим судьям // Прибой: III. М.: Нар. кружок, 1905. С. 13-14.
6. Горячая С.В. Сменовеховцы 20–30-х годов: оценка большевистского опыта реформирования России: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д., 2004.

7. Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. № 1013. С. 5-6.
8. Толстоноженко О.А. К вопросу о конструировании профессиональной идентичности писателей-самоучек в начале XX века // Летняя школа по русской литературе. 2019. № 2–3. С. 207-220.
9. Чагин А.И. Перекрёсток // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 2. Ч. II. М.: Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам, 1997. С. 181-183.
10. Ходасевич В.Ф. По поводу «Перекрёстка» // Возрождение. 1930. № 1864. С. 3-4.
11. Злобин В.А., Терапиано Ю.К., Энгельгардт Л.Н. От редакции // Новый корабль. Париж, 1927. № 1. С. 4.
12. Налегач Н.В. Анна Ахматова и «Парижская нота»: к вопросу о поэтическом влиянии // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 24-35.
13. Терапиано Ю.К. О новых книгах стихов // Круг. Кн. 2. Берлин: Парабола, 1937. С. 160-173.
14. Коростелёв О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3-50.
15. Чуковский К.И. Анна Ахматова // Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2013. С. 195-229.
16. Мельников Н.Г. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: критические отзывы, статьи, пародии. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.
17. Яновский В.С. Поля елисейские: книга памяти. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 335 с.
18. Одоевцева И.В. На берегах Сены. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 163 с.
19. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
20. Шар Ю. Литератор // Пробуждение: Литературно-художественный альманах писателей из народа. Кн. первая / под ред. И.А. Назарова. Суздаль, 1912. С. 37-38.
21. Каспэ И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
22. Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. 451 с.
23. Ходасевич В.Ф. Подземные родники // Новый корабль. 1927. № 2. С. 25-28.
24. Ходасевич В.Ф. О советской литературе // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. М.: Согласие, 1996. С. 419-425.

References

1. Tikhonov G. Russkaya emigrantskaya literaturnaya kritika i teoriya mezhdv dvumya mirovymi voynami [Russian Émigré literary criticism and theory between the World Wars]. *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovsetskaya i postsovsetskaya epokhi* [History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Era]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2011, pp. 335-367. (In Russian).
2. Shevelenko I. *Modernizm kak arkhaizm. Natsionalizm i poiski modernistskoy estetiki v Rossii* [Modernism as Archaism. Nationalism and the Search for Modernist Aesthetics in Russia]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2017, 336 p. (In Russian).
3. Agafonova Y. Klassika dlya naroda v adaptatsiyakh Postoyannoy komissii po ustroystvu narodnykh chteniy [Classics for common people in adaptations by the standing committee on the organization of reading for the people]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New Literary Observer Publishing House*, 2019, no. 2, pp. 77-93. (In Russian).
4. Kalinin I. Ugnetennyye dolzhny govorit': massovyyu prizyv v literaturu i formirovaniye sovsetskogo sub'yekta, 1920-e – nachalo 1930-kh godov [The oppressed must say: mass appeal to literature and the formation of the Soviet subject, 1920s – early 1930s]. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, Inside. The Practice of Internal Colonization in the Cultural History of Russia]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2012, pp. 587-663. (In Russian).
5. Kosmach T. Nashim sud'yam [To our judges]. *Priboi* [Swash], Moscow, Narodny kruzhok Publ., 1905, pp. 13-14. (In Russian).
6. Goryachaya S.V. *Smenovekhovtsy 20–30-kh godov: otsenka bol'shevistskogo opyta reformirovaniya Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [Smenekhovets of the 20–30s: an Assessment of the Bolshevik experience of Reforming Russia. Cand. ist. sci. diss. abstr.: 07.00.02]. Rostov-on-Don, 2004. (In Russian).
7. Bunin I.A. Missiya russkoy emigratsii [Mission of Russian emigration]. *Rul'* [Rudder], 1924, no. 1013, pp. 5-6. (In Russian).

8. Tolstonozhenko O.A. K voprosu o konstruirovani professional'noy identichnosti pisateley-samouchek v nachale XX veka [Towards the invention of professional identity of early 20th century autodidact writers]. *Letnyaya shkola po russkoy literature – Summer School on Russian Literature*, 2019, no. 2-3, pp. 207-220. (In Russian).
9. Chagin A.I. Perekrestok [Crossroads]. *Literurnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940). T. 2. Ch. 2* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940). Vol. 2. Part 2]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 181-183. (In Russian).
10. Khodasevich V.F. Po povodu «Perekrëstka» [About “Crossroad”]. *Vozrozhdeniye – Renaissance*, 1930, no. 1864, pp. 3-4. (In Russian).
11. Zlobin V.A., Terapiano Y.K., Engelgardt L.N. Ot redaksii [From the editors]. *Novyy korabl' – New Ship*. Paris, 1927, no. 1, p. 4. (In Russian).
12. Nalegach N.V. Anna Akhmatova i «Parizhskaya nota»: k voprosu o poeticheskom vliyani [Anna Akhmatova and the Paris note: on the issue of poetic influence]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 2019, vol. 21, no. 3 (190), pp. 24-35. (In Russian).
13. Terapiano Y.K. O novykh knigakh stikhov [About new poetry books]. *Krug. Kn. 2* [Circle. Book the 2nd]. Berlin, Parabola Publ, 1937, pp. 160-173. (In Russian).
14. Korostelev O.A. «Parizhskaya nota» i protivostoyaniye molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoy literaturnoy emigratsii [“Paris note” and the confrontation of youth poetry schools of Russian literary emigration]. *Literaturovedcheskiy zhurnal – Literary Journal*, 2008, no. 22, pp. 3-50. (In Russian).
15. Chukovskiy K.I. Anna Akhmatova [Anna Akhmatova]. In: Chukovskiy K.I. *Sobraniye sochineniy: v 15 t. T. 5* [Collected Edition: in 15 Vols.]. Moscow, FTM Agency Ltd., 2013, vol. 5, pp. 195-229. (In Russian).
16. Melnikov N.G. *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: kriticheskiye otzvyvy, stat'i, parodii* [Classic without Retouching. The Literary World about Work of Vladimir Nabokov: Critical Reviews, Articles, Parodies]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2000, 688 p. (In Russian).
17. Yanovskiy V.S. *Polya eliseyskiye: kniga pamyati* [Elysian Fields: Memory Book]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2016. 335 p. (In Russian).
18. Odoyevtseva I.V. *Na beregakh Seny* [On the Banks of the Seine]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2016, 163 p. (In Russian).
19. Shrubina M. *Literaturnyye ob'yedineniya Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary Associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2004. (In Russian).
20. Shar Y. Literator [Literator]. *Probuzhdeniye: Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh pisateley iz naroda. Kn. pervaya* [Awakening: Literary and Artistic Almanac of Writers from the People. Book One]. Suzdal, 1912, pp. 37-38. (In Russian).
21. Kaspé I. *Iskusstvo otsutstvovat': Nezamechennoye pokoleniye russkoy literatury* [The Art of Being Absent: An Unnoticed Generation of Russian Literature]. Moscow, New Literary Observer Publishing House, 2005. (In Russian).
22. Bem A.L. *Issledovaniya. Pis'ma o literature* [Researches. Letters about Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001, 451 p. (In Russian).
23. Khodasevich V.F. Podzemnyye rodniki [Underground springs]. *Novyy korabl' – New Ship*, 1927, no. 2, pp. 25-28. (In Russian).
24. Khodasevich V.F. O sovetskoy literature [About Soviet literature]. In: Khodasevich V.F. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 2. Zapisnaya knizhka. Stat'i o russkoy poezii. Literaturnaya kritika 1922–1939* [Collected Works: in 4 Vols. Vol. 2. Notebook. Articles about Russian Poetry. Literary Criticism 1922–1939]. Moscow, Soglasie Publ., 1996, pp. 419-425. (In Russian).

Информация об авторах

Каминская Юлия Вадимовна, аспирант, преподаватель кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации. Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация. E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

Вклад в статью: анализ первоисточников, написание части текста статьи, редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7683-0543>

Толстоноженко Оксана Алексеевна, старший преподаватель кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации. Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация. E-mail: t_oksa@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, анализ произведений, написание части текста статьи, оформление и редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-4638>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Толстоноженко Оксана Алексеевна
E-mail: t_oksa@mail.ru

Поступила в редакцию 27.04.2020 г.

Поступила после рецензирования 17.05.2020 г.

Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the authors

Yuliya V. Kaminskaya, Post-Graduate Student, Lecturer of Journalism and Literary Studies Department of Philology and Language Communication Institute. Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: yuliaglazkova96@mail.ru

Contribution: analysis of literary sources, manuscript text drafting, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7683-0543>

Oxana A. Tolstonozhenko, Senior Lecturer of Journalism and Literary Studies Department of Philology and Language Communication Institute. Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: t_oksa@mail.ru

Contribution: study idea, analysis of literary sources, manuscript text drafting, manuscript text design and editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-4638>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Oxana A. Tolstonozhenko
E-mail: t_oksa@mail.ru

Received 27 April 2020

Reviewed 17 May 2020

Accepted for press 22 May 2020